

В.В. Акунов, Москва

КЛЕЙНОДЫ НА ШЛЕМАХ ТЕВТОНСКИХ РЫЦАРЕЙ (см. рис. на 2-й стр. обложки)

*Вознеси рог христиан православных.
Избодаем рогами врагов Бога нашего.
Псалтырь*

Советский кинорежиссер Сергей Эйзенштейн по праву вошел в историю мирового кинематографа как автор нашумевших псевдоисторических блокбастеров 30-х годов. Ленты «Броненосец Потемкин» со знаменитым, хотя и абсолютно высосанным из пальца эпизодом с расстрелом ликующих толп одесситов *«безжалостными царскими карателями»* (единодушно записанными восторженными фанатами из числа *«прогрессивной»* западной интеллигенции - например, Лионом Фейхтвангером – в «казаки») и детской колясочкой, катящейся вниз по Потемкинской лестнице.

Другой «культовой» ленты – «Иван Грозный», в которой каждый гость на царской свадьбе осушает в одиночку братину, само название которой – *«братская чаша»!* – не говоря уже о размерах, яснее ясного говорит о том, что из нее пило много людей, передававших братину, отхлебнув из нее, из рук в руки; в которой царская тетка Ефросиния Старицкая дает хворой царице Анастасии пить из потира – церковной чаши для причастия (не забыв предварительно отравить ее содержимое) и т.д.

И, конечно, главного своего шедевра – фильма «Александр Невский» по сценарию П. Павленко, в котором режиссер умудрился не показать на «хорошей», т.е. новгородской стороне, не только Владыку – новгородского архиепископа и фактически главу правительства боярской республики на Волхове (князь в Новгороде был всего лишь наемным военным предводителем, которому боярская республика могла, чуть что не по ней, «указать путь от себя», а попросту говоря – выгнать за ворота!), но и ни одного православного священника или монаха, ни одной православной иконы или воинской хоругви с ликом Всемилоственного Спаса или, скажем, Михаила Архангела! Вместо Святых образов, новгородские дружины осеняют стяги с мужиком, лупящим дубиной льва или барса и какие-то звери, чьи образы, вероятно, были навеяны резьбой по камню на стенах владимирских соборов.

Единственный *«чернец»* (непонятно – монах, не монах?), фигурирующий на русской стороне, показан предателем, разумеется, не ушедшим от справедливого народного суда. Даже благоверный князь Александр, почему-то поселенный в совершенно пустой крестьянской избе (хотя и гро-

мадных размеров) не имеет в «красном углу» ни одной иконы и ни разу за весь фильм даже лба не перекрестит. Зато на вражеской, «не нашей» стороне режиссер с избытком сконцентрировал всевозможную христианскую символику. Тут тебе и церковный орган, и кресты самых разных форм и размеров, и папский легат, рассуждающий о *«наместнике Иисуса Христа на земле»*. С каким восторгом показан разгром победоносными новгородцами полевого храма ливонских рыцарей и бегство христианского епископа со Святыми дарами под мышкой от волков! Христианство со всеми своими атрибутами совершенно недвусмысленно ассоциируется авторами фильма с чем-то глубоко враждебным Руси и русскому народу! Но это только одна сторона дела, антипатия к христианству и Кресту, характерная для многих представителей советских творческих кругов ленинско-сталинской эпохи. Так, известная поэтесса Наталья Кончаловская писала в популярной детской книге «Наша древняя столица»:

В стороне заката солнца,
У балтийских берегов
Были крепости ливонцев.
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они.
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...
Был ливонский рыцарь страшен,
Занимался грабежом.
Плохо жилось предкам нашим
За ливонским рубежом...
Враг-то, видно, чародей,
Непохожий на людей...
Вот он встал, огнем объятый,
Весь закован в шлем и латы.
Уж не черт ли этот враг?
Не возьмешь его никак!

И так далее, в том же духе – и о ком! О рыцарях-крестоносцах, которых средневековые русские летописцы – в отличие от Карла Маркса (не к ночи будь помянут! – именовали отнюдь не *«псами-рыцарями»*, а неизменно уважительно – *«Божьими дворянами»*!

Но что до этого советским *«мастерам культуры»*!? Раз враг *«не похожий на людей»* и, может быть, даже *«черт»* – надо придать ему *«чертячи»* атрибуты – например, рога на шлем. И невдомек было незадачливому режиссеру, что не только тевтонским Божьим дворянам, но и вообще рыцарям военно-монашеских Орденов по Уставу запрещалось носить на шлемах какие бы то ни было украшения – ни рога, ни крылья, ни орлиные когти. Но мало того! На шлем предводителю *«злых парней»* –

ливонскому магистру (хотя настоящий магистр в той войне не участвовал!) волею Сергея Эйзенштейна водрузили крайне замысловатое украшение – кроме **«чертячьих»** рогов, еще и увенчанную крестом **королевскую корону** (!), что уж совсем не вяжется с его монашеским (а не монаршим!) саном! В чем же причина этой очевидной несуразности?

Вероятнее всего, Эйзенштейну в ходе работы над историческим **«антуражем»** для фильма попалась на глаза репродукция достаточно широко известной миниатюры из так называемого «Апокалипсиса Тевтонского Ордена» конца XIII – начала XIV вв. (хранящаяся и по сей день в Главной библиотеке Торунского Университета имени Николая Коперника в Польше). На этой миниатюре изображена схватка между воинством Антихриста и войском Небесного Царя – Иисуса Христа, грядущего, по слову Апостола, в Своем грозном Втором Пришествии. Предводителем небесного воинства выступает рыцарь в багряном полукафтани-котте поверх кольчатой брони, верхом на коне, покрытом багряной попоной. Голова его покрыта горшковидным шлемом с багряным наметом, украшенном – точь-в-точь как шлем ливонского «магистра» в фильме «Александр Невский»! – парой бычьих рогов и увенчанной крестом короной!

Кого имел в виду средневековый миниатюрист? Вне всякого сомнения, того, о ком святой тайновидец Апостол Иоанн писал в своем Откровении и о ком говорил Святой Божий Пророк Даниил, предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестие и пришествие дней мира (гл. 11): «И восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего, и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени, но спасутся в это время из народа Твоего все, которые будут найдены записанными в Книге (вечной жизни – **В.А.**). Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют». В христианской эсхатологической традиции этот Великий Князь Михаил традиционно ассоциируется с Архангелом Михаилом, Архистратигом (Верховным Военачальником) Воинства Царя Небесного, низвергнутого в начале земной истории в бездну Денницу-Люцифера и мятежных павших ангелов; архистратигу Михаилу же (чье имя означает на древнееврейском: «Кто как Бог?») надлежит, по многочисленным пророчествам, в конце земной истории вновь низвергнуть в ад вырвавшегося оттуда Божиим попущением Древнего Змея, искусителя человечества – того же Сатану-Люцифера – вместе с его земным приспешником-Антихристом, получившим в христианской апокалиптике символическое наименование **«Зверя из бездны»**.

Образ Архангела Михаила, почитавшегося покровителем всех христианских воинств, как на Востоке, так и на Западе, украшал штандарты германских королей и владык «Священной Римской Империи германской нации», начиная с Оттона I Великого – победителя безбожных конных орд язычников-венгров. Однако **«царственный»** багряный цвет одежд и кон-

ских попов предводителя христианского войска и следующих за ним воинов на миниатюре, равно как и осеняющий их багряный стяг с черным одноголовым орлом «Священной Римской Империи», а самое главное – корона с крестом на шлеме, однозначно атрибутирующая владельца шлема как христианского монарха (а никак не рыцаря-монаха, хотя бы и возглавляющего военно-духовный Орден!) заставляют вспомнить, наряду с *«линией архистратига Михаила»*, еще одну наложившуюся на нее легенду, возникшую в раннесредневековой Германии, раздиравшейся внутренними мятежами, борьбой между императорами и римскими папами за инвеституру (то есть за право назначать в Империи епископов), войнами с венгерскими и полабскими язычниками и множеством иных бедствий.

Согласно этой легенде, Император Фридрих I Барбаросса, усмиритель Италии, Польши и папы (в действительности утонувший в горной речке Салефе во время Третьего Крестового похода) на самом деле не умер, а спит беспробудным сном со своими верными рыцарями в каком-то сокровенном месте под землей (чаще всего это его подземное укрытие легенда помещала в недрах горы Киффгойзер в Тюрингии). Народная фантазия придала спящему императору Барбароссе (на образ которого позднее наложились некоторые черты его внучатого племянника Фридриха II Гогенштауфена, сумевшего ненадолго вернуть христианскому миру Святой град Иерусалим, хотя и был проклят за это папой, ибо поступил так без папского благословения!) некоторые черты не совсем забытого, как видно, древнегерманского бога Вотана (Одина).

Так, сидящие на плечах Барбароссы два его верных черных ворона (воронов Вотана звали Хугин и Мунин) каждое утро вылетают из недр горы, за день облетают всю землю, а под вечер возвращаются в Киффгойзер и сообщают ему все новости. Настанет день, когда ворон сообщит Барбароссе, что в Иерусалиме расцвела засохшая смоковница, проклятая в свое время Спасителем за свою бесплодность. Тогда Император восстанет ото сна, восстановит Священную Римскую Империю, вновь возглавит крестовый поход, освободит Иерусалим от неверных и сразится с Антихристом. В битву непосредственно вмешаются Божественные силы. После победы над Антихристом и силами зла, император повесит свой меч и щит на процветшую смоковницу и вручит свою вселенскую Державу – Рим – Богу, как своему Небесному Сеньору.

Вот этого-то Прикровенного Кесаря, а не тевтонского магистра, средневековый миниатюрист Тевтонского Ордена и изобразил предводителем противостоящих Антихристу воинств Креста! Хотя, конечно, он не мог себе представить отсутствие в рядах христианского войска своих собратьев по Ордену. Поэтому он изобразил на достаточно почетном месте, рядом с императором, единственного во всей христианской армии воина, украшенного эмблемами Тевтонского Ордена – рыцаря в белом плаще с прямым черным тевтонским крестом и горшковидном шлеме, на белом гребне и белом намете которого также красуются черные тевтонские кресты.

Вот этого рыцаря Креста, учитывая тесную дружбу между внучатым племянником Барбароссы, Императором Священной Римской Империи, королем Сицилийским и Иерусалимским Фридрихом II Гогенштауфеном и Верховным Магистром Тевтонского Ордена Германом фон Зальца, и безоговорочную поддержку, оказанную Фридриху II тевтонскими рыцарями в его походе на Иерусалим, завершившемся коронацией Фридриха Иерусалимском королем, вполне можно атрибутировать как Верховного Магистра Тевтонского, или Немецкого Ордена. Но у этого рыцаря-монаха, как и полагается по орденскому Уставу, никаких рогов, а тем более корон, на шлеме нет и быть не может! Конечно, гребень с крестом тоже, при желании, можно было бы считать **«украшением на шлеме»**, но орденский устав запрещал украшать шлемы, прежде всего, суетными мирскими и языческими изображениями, столь распространенными среди светских рыцарей, и вряд ли запрещал украшать шлем (особенно – шлем главы Ордена, как бы манифестировавшего собой его христианско-рыцарскую сущность!) знаком Святого Креста, как символом Спасения и христианского упования.

Вот этого товарищ Эйзенштейн (а вероятнее всего, его сценарист товарищ Павленко), судя по всему, не поняли или, может быть, не захотели понять.

КЛЕЙНОДЫ НА ШЛЕМАХ ТЕВТОНСКИХ РЫЦАРЕЙ

(см. стр. 16)

Средневековая миниатюра
из т.н. «Апокалипсиса Тевтонского Ордена».
Конец XIII – нач. XIV вв.
Главная библиотека Торунского Университета
имени Николая Коперника в Польше.